

В.В. Арсланов

*PhD, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

РЕЛИГИЯ КАК НЕЗАВИСИМАЯ ПЕРЕМЕННАЯ. ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕФОРМАЦИИ¹

Аннотация. Экономисты всё чаще учитывают влияние религии на политические и экономические процессы. Хрестоматийным примером такого влияния считается Реформация, однако выявить и измерить её эффекты на экономику непросто. В статье рассматривается ряд новых публикаций, цель которых — прояснить, используя статистические методы, вопрос о связи между протестантизмом и экономическим ростом. Особое внимание авторы данных публикаций уделяют корреляции между Реформацией и ростом человеческого капитала. Предложенные авторами модели упускают существенные аспекты Реформации и свидетельствуют об изъянах интерпретации средневекового христианства как рынка религиозных услуг. Несмотря на значение этих исследований для анализа религиозных факторов роста, их результаты требуют проверки на дополнительном материале, и вопрос о существовании общих механизмов влияния религии на экономику остается открытым.

Ключевые слова: протестантизм, Реформация, религия, экономический рост, человеческий капитал.
JEL: H41, I38, N13, N33, O15.
DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10404.

Три года назад широко отмечалось 500-летие протестантской Реформации, и рост научных и научно-популярных публикаций об этом событии неудивителен. Вполне понятно и то, что Реформация вызывает интерес не только у историков и теологов — её профессиональных исследователей и толкователей, но и у экономистов. При этом последние нередко рассматривают Реформацию в качестве яркого примера влияния культурных, в данном случае религиозных, факторов на институциональную динамику. Внимание экономистов к эпохальным европейским трансформациям полутысячелетней давности свидетельствует помимо прочего и о продолжающейся экспансии в домены гуманитарных наук эконометрики с целью конкретной количественной оценки разного рода «тектонических сдвигов», традиционно сопротивляющихся проверке «алгеброй».

В трёх довольно характерных в этом смысле статьях, которые я, с привлечением других публикаций², рассмотрю наиболее подробно, — «Религиозная конкуренция и перераспределение: политическая экономия секуляризации в Реформацию» Д. Кантони, Дж. Диттмара

¹ Статья подготовлена на основе выступления на онлайн-семинаре «Экономика и культура» Факультета свободных наук и искусств Санкт-Петербургского государственного университета 15 мая 2020 г. Автор признателен участникам семинара за критику и комментарии.

² За последние годы вышли несколько монографий по теме влияния религии на специфику политического и экономического развития Западной Европы, среди которых следует выделить [Johnson, Koyama, 2019] и [Rubin, 2017]. Влиянию Реформации на социальное развитие в необычном для экономистов ракурсе — увеличения числа ведовских процессов — посвящена статья [Leeson, Russ, 2017]. Детальный обзор публикаций экономистов о Реформации представлен в [Becker, Pfaff, Rubin, 2016].

и Н. Юхтмана ([*Cantoni, Dittmar, Yuchtman*, 2018], далее — Кантони), «Институты общественных благ, человеческий капитал и рост: данные из немецкой истории» Дж. Дитмара и Р. Майзенцала ([*Dittmar, Meisenzahl*, 2020], далее — Дитмар и Майзенцал) и «Ошибался ли Вебер? Теория протестантской экономической истории на основе человеческого капитала» С. Беккера и Л. Вессманна ([*Becker, Woessmann*, 2009], далее — Беккер и Вессманн) — речь идет о корреляции между Реформацией и изменениями в:

- 1) распределении ресурсов между религиозными и светскими секторами;
- 2) социальной инфраструктуре и дееспособности государства (*state capacity*);
- 3) развитию человеческого капитала.

Выбор этих публикаций как основных для настоящего обзора обусловлен общим для их авторов стремлением выделить религию как особую сферу социальных отношений, или, используя выражение Р. Барро и Р. Макклири, как «независимую переменную», определяющую поведение «искомой величины» [*McCleary, Barro*, 2006].

О «рынке религиозных услуг» в эпоху Реформации

Кантони и его коллеги строят динамическую модель рынка особого типа — рынка услуг политической легитимации. Участники этого рынка делятся на продавцов услуг легитимации и ее покупателей. Данная модель применима к разным регионам и историческим периодам. Согласно Кантони в Западной Европе начала XVI в. рынок легитимации полностью контролировался католической церковью³. Использование термина «рынок» позволяет исследователям оперировать такими понятиями, как «цена», «сделка», «конкуренция», «баланс спроса и предложения». Предполагается, что с помощью этих терминов можно точнее оценить произошедшие вследствие Реформации изменения, в частности, сравнивая показатели цены за услуги и распределения ресурсов между участниками рынка. В публикации устанавливается ряд соотношений: церковь — поставщик услуг легитимации⁴, территориальные правители — приобретатели этих услуг, цена — количество активов, которые правители готовы предоставить церкви, освобождение от налогов и «определен-

³ Авторы рассматриваемых нами статей не углубляются в вопрос единства христианских церквей, у которого есть три аспекта: институциональный, догматический и литургический. Институционально единство католической церкви к началу XVI в. выразилось в обязательности решений Ватикана для всех местных церквей, признававших примат папы римского. Мы оставляем в стороне вопрос региональной вариативности догматики и литургии, сохранявшейся, как минимум, до Тридентского собора.

⁴ В рассматриваемых нами публикациях нет единого определения политической легитимации. Кантони приравнивает легитимацию власти к ее одобрению [*Cantoni, Dittmar, Yuchtman*, 2018. Р. 2048]; Н. Джонсон и М. Кояма используют более развернутое определение легитимации С. Липсета: способность легитимирующих инстанций поддерживать уверенность в оптимальности существующих политических институтов для общества [*Johnson, Koyama*, 2019. Р. 47]; сам Липсет указывал на трудность измерения легитимности, связанную с проблемой надежности социологических опросов населения — основного инструмента оценки легитимности, которого, разумеется, нет в распоряжении исследователей далекого прошлого [*Lipset*, 2005]. Замечу, что Липсет говорит о легитимности именно политических институтов, а не конкретных личностей; у Кантони, как и у Джонсона и Коямы, мы этого важного различия не находим). Дж. Рубин вводит понятие «агентов легитимации» (*legitimizing agents*), задача которых и состоит в обеспечении признания легитимной власти правителя населением; в роли агентов легитимации могут выступать как отдельные люди, так и организации [*Rubin*, 2017. Р. 11]. Представляется, что в теории признание власти того или иного правителя легитимной зависит от двух основных условий: принятия определенных критериев легитимности и суждения о соответствии данного правителя этим критериям. На мой взгляд, на практике нельзя исключать, что «агенты легитимации» не только навязывают признание власти легитимной (в частности, применяя репрессии против скептиков), но и создают иллюзию такого признания.

ная степень политической власти» [Cantoni, Dittmar, Yuchtman, 2018. P. 2039]⁵, «сделка — соглашение между церковью и правителем или несколькими правителями относительно приемлемой цены» и т. д. Построенная с использованием этих соотношений модель предсказывает снижение цены за предоставляемые прежним монополистом (католическая церковь) услуги в результате выхода на рынок нового поставщика. Исследователи видят за поддержкой Реформации правителями не только, так сказать, идейную, но и экономическую мотивацию: новый игрок — лютеранская церковь — предлагал сделку на значительно более выгодных для светской власти условиях.

В статье приводятся разнообразные факты и статистические данные в пользу предложенной концепции: показатели, относящиеся к процессу конфискации имущества секуляризованных католических монастырей, изменения в предпочтениях студентов в сторону светских специальностей (преимущественно в области юриспруденции и государственного управления), рост доли светских зданий в строительстве после принятия Реформации на конкретных территориях и др. Кантони в своих рассуждениях исходят из общей модели неценовой конкуренции между религиозными «фирмами»: увеличение числа таких фирм на «рынке спасения» снижает цену на предлагаемые услуги, в соответствии с принципом взаимосвязи спроса и предложения [Ekelund, Hébert, Tollison, 2006]. Экономисты указывают на преобладание модели рационального выбора в принятии решений, способствовавших, на их взгляд, институциональной секуляризации тех стран Раннего нового времени, где совершилась Реформация. Они утверждают, что «предоставляют первое количественное эмпирическое доказательство каузальной роли Реформации в появлении более светского общества» [Cantoni, Dittmar, Yuchtman, 2018. P. 2044], не уточняя, какими методами, инструментами и единицами такая градация определяется. Реформация в привычном для данной модели ключе рассматривается, повторю, как процесс демонополизации сферы религиозных услуг вследствие появления альтернативного продавца на «рынке спасения» — учения Мартина Лютера. Таким образом, уже сам факт шока в сфере предложения и выход на данный рынок новой «фирмы»⁶ должен привести к снижению цены на предоставляемые монополистом услуги и увеличить их полезность для «клиентов» [Cantoni, Dittmar, Yuchtman, 2018. P. 2048]. В то же время экономисты признают, что «ключевой ..... инновацией [протестантских учений] было устранение посредников между верующим и Богом, что значительно снизило стоимость и цену спасения» [Cantoni, Dittmar, Yuchtman, 2018. P. 2052]. То есть для рынка спасения значимо не только то, сколько на нём продавцов, но и то, что именно они «продают» (проповедуют). Отсюда возникают два вопроса: как базовая модель конкуренции на религиозном рынке учитывает качественные особенности новых «продуктов» и как связаны в этой модели рынок спасения и рынок легитимации? Хотя авторы и утверждают, что снижение цены на рынке политической легитимации зависит от изменений на рынке спасения, в их модель этот механизм взаимозависимости двух рынков никак не встроено. Не ясно, например, какова вероятность снижения цены на политическую легитимацию в случае выхода на рынок религиозных услуг «агента» с иным, чем у реформаторов, мировидением и можно ли вообще с уверенностью утверждать, что с появлением *любого* нового участника рынка цена на аналогичную услугу снизится.

⁵ Беккер и его коллеги дополняют этот список уступок светской власти церкви привилегиями, субсидиями, торговыми монополиями и территориями, а также справедливо указывают на способность церкви облагать другие социальные группы налогами (десятиной) и освобождать от них [Becker, Pfaff, Rubin, 2016. Pp. 11–12].

⁶ До 1525 г. реформационное движение отличалось многообразием проектов организации новой церкви, и лишь некоторые из них со временем воплотились в реальные организации, поэтому характеризовать лютеранские сообщества в указанный период как фирмы некорректно.

Отождествляя творцов и апологетов нового религиозного учения с продавцами услуги, а верующих — с её покупателями, экономисты не только исключают из анализа «нематериальные» аспекты религиозности, но и приписывают духовенству и мирянам паттерны поведения, характерные для участников «обычного» рынка товаров и услуг, например стремление его участников к снижению издержек и реагирование на ценовые стимулы. Однако то, что известно о начале Реформации, свидетельствует об активной роли поддержавших Лютера мирян, их готовности инвестировать в пропаганду его учения время, силы и ресурсы, рисковать ради этого карьерой и даже собственной жизнью. Реформация смогла осуществиться только как массовое протестное движение, когда тысячи людей взяли на себя риски и обязательства распространять и растолковывать другим новое вероучение. Если и использовать в применении к этим процессам рыночную терминологию, более корректно было бы называть примкнувших к Реформации людей франчайзи, а не клиентами; при этом франчайзер (Лютер) получал положительную обратную связь и мощный заряд энергии от добровольных распространителей и генераторов нового учения. Но и эти термины не передают, конечно, сложности отношений между реформатором и пошедшей за ним массой верующих. Вспомним, что обвиненному в ереси Лютеру оказывали поддержку такие авторитеты, как Эразм Роттердамский. Причём отношение это далеко не всегда было взаимным. Отделить адепта («потребителя») идеологии от её агента в конкретных случаях непросто. Очевидно, однако, что использование новых терминов утяжелило бы предложенную исследователями схему принятия немецкими территориями Реформации и усложнило выявление причин этого процесса. Между тем именно точность и воспроизводимость каузальной модели должна была бы выступать основным доводом в её защиту. О конструкции Кантони это трудно сказать. Так или иначе вопрос о причинах успеха Реформации не решить без понимания мотивов людей, поддержавших её инициатора.

Подход, игнорирующий глубинные содержательные аспекты Реформации, характерен и для авторов двух других исследований: о влиянии Реформации на административную дееспособность государства [Johnson, Koyama, 2019] и на региональную вариацию интенсивности ведовских процессов [Leeson, Russ, 2017]. Эти авторы при анализе поведения средневековых религиозных институтов («фирм») и их «клиентов» тоже исходят из эффективности модели рационального выбора. Джонсон и Кояма незамысловато объясняют это популярностью данного подхода у своих коллег: «Экономисты довольно хорошо умеют моделировать рыночное поведение. Любой студент экономического факультета понимает, как меняется цена на зерно во время засухи и кто может от этих изменений приобрести или потерять. Однако, когда речь заходит не о традиционных рынках, картина усложняется. Политические и культурные взаимодействия редко создают наблюдаемые нами цены. Тем не менее политика и культура важны [...] нам нужна рамка для анализа отношений между политическими и религиозными институтами» [Johnson, Koyama, 2019. P. 15]⁷. Так же обосновывается модель рационального выбора в объяснении религии и политики: «Хотя многие правители искренне верили в религии, которые они поддерживали, им не мешала религиозная легитимация, снижавшая стоимость управления» [Johnson, Koyama, 2019. P. 32].

Использование модели рационального выбора, как и любой другой авторской концепции, правомерно, если она, как минимум, позволяет адекватно описать предмет исследования. В данном случае под вопросом остается содержание понятия «рациональность» в применении к религиозным акторам. П. Лисон и Дж. Расс ограничиваются на этот счёт решительным утверждением: «...как сделать религиозной фирме свой бренд более привлекательным для клиентов? Быть более активной в преследовании ведьм, чем конкуренты» [Leeson, Russ, 2017. P. 2067]. Соответствует ли их представление о правильности решений

⁷ Здесь и далее перевод мой. — В.А.

(например, смены веры) общепринятому экономическому пониманию рациональности? Этому вопросу в статье не уделяется внимания, как и самой проблеме правомерности применения рыночных понятий к анализу поведения средневековых феодалов и духовенства.

Общеизвестный для медиевистов факт неразрывной связи в Средние века религии и политики экономисты будто игнорируют, исходя в своих моделях из того, что между светской и духовной сферами той эпохи можно провести четкую границу и что легитимацию власти можно представить в качестве транзакции. Справедливо ли рассматривать легитимацию светской власти церковными иерархами в Средние века в рыночных понятиях купли–продажи? Какова «цена», которую политическая власть согласна платить религиозной элите за «услугу» политической легитимации? Только ли это финансовые, материальные и земельные активы? Или эта цена также включает обязательство защищать (непризнанную императором) церковь и преследовать иноверцев и лиц, не выполняющих постановления церковных властей? С моей точки зрения, более приемлемы, как минимум, две альтернативные интерпретации того же процесса: партнерство на основе договора, альянс [Johnson, Koyama, 2019. P. 32]; присяга правителя на верность сюзерену, т. е. папе римскому.

Само название государства — Священная Римская империя германской нации — указывает на слияние религии и политики. Империя соединяла два источника социальной власти, по М. Манну [Манн, 2018. С. 8], — военный и идеологический — без их консолидации в одном институте или органе. Олицетворяли эти источники власти император и папа, при этом папа претендовал на особую роль гаранта легитимности власти императора. Оба были избираемыми монархами, хотя право голоса было ограничено узкой группой представителей элиты. Выборщиками папы были (с 1130 г.) кардиналы, императора — церковные и светские князья (с 1257 г.); в случае кардинала Альбрехта Бранденбургского — одного из основных антагонистов Лютера — эти посты соединились, и Альбрехт мог влиять на избрание как папы, так и императора. Политическая власть была при этом рассеяна между многочисленными субъектами империи (феодалами, прелатами и свободными городами), которые выстраивали связи не только между собой, но и — как свойственно субъектам международного права — с другими государствами. Некоторые из этих субъектов, например Нидерланды и Швейцария, лишь формально были частью империи. Для понимания взаимосвязи религиозного и политического факторов в развитии немецких территорий в XVI в. необходимо учитывать специфическое устройство империи. С одной стороны, эта политическая структура напоминает конфедерацию с множеством субъектов, общим парламентом (Рейхстагом) и органами исполнительной (Имперский двор) и судебной (Имперский камеральный суд) власти; с другой — власти отдельных территорий находятся в прямой (в случае с епископствами) или непрямой (в случае аббатств, городов, баронств, графств и княжеств) зависимости от внешней политической силы — папы римского. Прямая зависимость выражается в праве папы сместить нежелательного прелата, например, в случае смены конфессии, а непрямая — в зависимости от Ватикана императора, которого папа мог отлучить от церкви и предложить взамен иного кандидата на монарший престол. Непосредственными агентами влияния папы римского в империи были три духовных курфюрста, входившие в число выборщиков императора, — архиепископы Кёльнский, Майнцский и Трирский, которые вместе с четвертым курфюрстом — королем Богемии — обеспечивали с 1519 г. перевес сил в пользу представителя династии Габсбургов — традиционно лояльной папе римскому вследствие давней конкуренции Габсбургов с французскими королями.

Из сказанного может сложиться впечатление некоего паритета, существовавшего между папой и императором. Если церковь и не была просто «поставщиком легитимации», то, возможно, она была более или менее надежным партнером светской власти?

Однако и такое утверждение характеризует лишь один аспект отношений между империей и римской церковью, который мог превалировать в одних ситуациях и отступать на второй план в других. Если рассматривать избрание и инаугурацию императора как двухступенчатый процесс, то на первом этапе, как мы отмечали, важную роль играли духовные курфюрсты — прямо связанные с папством фигуры, а на втором — папа лично короновал императора. Отношения между Святым Престолом и королем — избранным главой Священной Римской империи — весьма специфичны. До XVI в. их можно формально обозначить как *договор неравных сторон*. Одна сторона, монарх, обязывается подчиняться другой, папе, при условии — и это существенное примечание — легитимности главы церкви, которому была принесена присяга в верности. Репрезентацией этого неравенства служит церемония коленопреклонения короля перед папой — как показано, например, на миниатюре XV в. из «Хроники пап и императоров» Мартина Опавского, изображающей коронацию императора Оттона III (рис. 1), а также на фреске Рафаэля «Коронация Карла Великого» (рис. 2). Таким образом, иерархи церкви подчёркивали патерналистский характер отношений между светской и духовной властью, в рамках которых «сын» (император) обязался быть послушным папе [Weinfurter, 2013. S. 34-35]. Для понимания этой политической риторики и символики немаловажно, что одновременно с усилением претензий папства на политическое первенство в изобразительном искусстве возникает мотив коронования Иисусом Христом Богородицы (рис. 3); это происходит на фоне распространения культа Девы Марии (см. [Bartlett, 2013. P. 158]). Весьма показательно, что когда король Сицилии Рожер II пожелал продемонстрировать свою независимость от папства, он заказал изображение сцены своей коронации Иисусом Христом без посредничества иерархов церкви, на которой король представлен в молитвенной позе (рис. 4). Искусство могло приуменьшить роль церкви, но не религии в легитимации власти.

Рис. 1. Папа Григорий V венчает на царство императора Оттона III. Миниатюра из рукописи «Хроники пап и императоров» Мартина Опавского. Агно. Мастерская Дибольда Лаубера. Ок. 1460. Библиотека Гейдельбергского университета. Cod. Pal. germ. 137, fol. 88v.

Рис. 2. Рафаэль. Коронация Карла Великого. Апостольский дворец, Ватикан. 1515–1517

Рис. 3. Коронация Девы Марии. Миниатюра из часослова. Руан. 1470–1480. Библиотека Айнзидельнского аббатства (Швейцария). Cod. 290/1236, fol. 96r.

Рис. 4. Иисус Христос коронует Рожера II Сицилийского. Фрагмент мозаики в церкви Марторана, Палермо. XII в.

Ритуал коленопреклонения правителей перед папой символизировал зависимость первых лиц европейских государств от главы католической церкви, что проявлялось не только в необходимости правителей получить признание папы, но и в его способности оказывать давление на светскую власть с помощью санкционных инструментов, в том числе интердикта. Хотя эта мера применялась в исключительных случаях, она представляла собой реальное и юридически обоснованное средство контроля за деятельностью светской власти. Из-за всеохватного влияния церкви на повседневную жизнь в Средние века интердикт, помимо прочего, фактически лишал подданных отлученного от церкви правителя возможности бракосочетания и права быть погребенными на приходском кладбище. Из-за запрета на проведение публичных празднований и связанных с ними ярмарок интердикт мог заморозить и экономику страны. Такая мера продемонстрировала свою эффективность, в частности, при конфликте папы Иннокентия III с английским королем Иоанном Безземельным в начале XIII в. Тогда монарх под давлением наложенного на страну интердикта был вынужден уступить в ключевом для него вопросе о преемнике скончавшегося в 1205 г. архиепископа Кентерберийского.

В критических ситуациях папа мог прибегнуть к еще более суровому средству — объявить крестовый поход против жителей еретического (с точки зрения Ватикана) региона. Примерами таких карательных акций против европейских христиан — парадоксальных мер, учитывая первоначальную цель крестовых походов — могут служить походы против южнофранцузских катаров в XIII в., короля Арагона Педро III в 1284–1285 гг., короля Неаполя Владислава в 1411 г. и чешских реформаторов (гуситов) в 1420-е — 1430-е гг. Благословляя одних правителей как крестоносцев на борьбу с отлученными от

церкви князьями и королями, папы укрепляли свою позицию на вершине политической пирамиды западнохристианского мира, а также свой авторитет миротворцев и верховных арбитров в феодальных конфликтах, на который они претендовали с X в. (о церковной программе «Божьего мира» см. [Goertz, 1983]). Кульминацией этого процесса можно считать правовую доктрину полноты папской власти (*plenitudo potestatis*), оформившуюся в понтификат Иннокентия III и заключающуюся в декларации верховенства папы над светскими князьями [Collins, 1991]. Одним из проявлений этой доктрины — и соответствующей ей политики — было пожалование правового иммунитета («*exemptio*»), т.е. подчинения непосредственно юрисдикции Святого Престола, организациям, расширяющим территорию католической церкви, в том числе насильственными методами, как ордена крестоносцев. Нарушение иммунитета влекло церковные и имперские санкции, и светские власти, как правило, не оспаривали особый статус таких организаций. В данном случае важен сам факт того, как серьезно относились князья и короли к защите церкви и ее вероучения (см. [Weinfurter, 2013. S. 29]). Этот параметр не вписывается в рамки модели купли-продажи по отношению к легитимации со стороны церкви. Игнорирование этого аспекта, проецирование горизонтальных отношений купли-продажи услуг на вертикальную модель покровительства-подчинения огрубляет и искажает особенности устройства Священной Римской империи в начале XVI в.

Помимо вмешательства во внутренние дела светских правителей у церковных иерархов была возможность заниматься непосредственным управлением территориями — в качестве регентов, князей или суверенов. Самый известный пример средневековой теократии, сохранившейся в уменьшенном масштабе и поныне, — Папское государство. Духовные лица могли управлять крупными территориями и командовать вооруженными силами, как это делали верховные магистры Мальтийского и Тевтонского орденов. В Германии архиепископ Майнцский выполнял обязанности имперского эрцканцлера⁸. Известен также случай, когда кардинал совмещал свою церковную должность с функциями короля Португалии (Энрике I). Начиная с XI в. папство успешно противостояло попыткам князей и императоров влиять на выбор епископов: хотя духовные феодалы были ленниками светских правителей, они избирались канониками, а утверждались и низлагались папой римским. Следует также заметить, что прелаты в основном происходили из семей высшей феодальной знати, которые конкурировали за ведущую роль в империи, и получение должности архиепископа или кардинала усиливало позиции не только конкретного клирика, но и его клана. Кампания Лютера против доминиканца Иоганна Тетцеля, торговавшего индульгенциями с санкции и в интересах кардинала Альбрехта Бранденбургского, происходила на фоне конкуренции между династиями Веттинов, представителем которой был покровитель Лютера курфюрст Фридрих Саксонский, и Гогенцоллернов, к которым принадлежал кардинал Альбрехт. Подобное соперничество никак не учитывается в моделях экономистов и представляется мне существенным для понимания успеха Реформации.

Кантони, как и Дитмар, убеждены во внезапности Реформации и в ее шоковом эффекте на институциональное и религиозное равновесие. Главным свидетельством этого эффекта для экономистов служат данные о секуляризации церковных учреждений в протестантских областях. Трудно, однако, согласиться с тем, что не ожидаемый никем выход новой «фирмы» изменил баланс на рынке в пользу покупателей услуг легитимации. Во-первых, исторической науке известен ряд аналогичных появлений конкурентов католической церкви и до Реформации, которые, однако, не привели, несмотря на значительное

⁸ К XVI в. влияние эрцканцлера на имперскую политику значительно уменьшилось, и контроль за делопроизводством на имперском уровне сконцентрировался в руках вице-канцлера, который назначался императором и был его доверенным лицом.

количество сторонников, к демонополизации «рынка спасения». Во-вторых, есть прецедент успешного еретического движения до Реформации, из которого возникла первая в средневековой Центральной Европе признанная папством и независимая от него церковь, но достигнутый компромисс оказался неустойчивым. В-третьих, важным фактором успеха Реформации было формирование в Германии в XII–XV вв. сильного городского класса, многие выходцы из которого стали профессиональными управленцами и способствовали снижению зависимости государственной власти от услуг духовенства.

Что остается за рамками модели Кантони

До Реформации католическая церковь неоднократно сталкивалась с радикальной критикой и конкурентными религиозными движениями. Но всякий раз — за исключением борьбы с гуситами, о чём будет сказано далее, — ей удавалось сохранить авторитет в глазах светской власти и монополию христианской проповеди и учительства. В числе этих вызовов и низовые движения, такие как вальденсы, апостолики и лолларды, и осужденные церковью интеллектуальные традиции, такие как аверроизм⁹. Согласно модели Кантони, приход таких ересей на рынок должен был снижать цену на религиозные услуги и вызывать интерес светских властей к новым продавцам. Однако факты свидетельствуют об обратном: известно немало примеров преследования светской властью движений, осуждавших церковное стяжательство и проповедовавших апостольскую бедность. Между тем успех еретиков, очевидно, мог бы способствовать снижению расходов на услуги церкви и использоваться для секуляризации монастырей. Католическая власть не только применяла против таких движений запреты и репрессии, но иногда и успешно «приручала» и кооптировала их, как это произошло с общиной Франциска Ассизского, признанной монашеским орденом. Можно предположить, что отличие между средневековыми ересями и Реформацией состояло в их социально-политическом контексте [Johnson, Koyama, 2019. P. 45]. В любом случае тезис, что католическая церковь сохраняла монополию на рынке религиозных услуг исключительно из-за отсутствия конкурентов, не согласуется с реальными фактами прошлого. А следовательно, модель рынка религиозных услуг теряет свой универсальный характер и предсказательную силу, и ее преимущество по сравнению с методами исторической науки оказывается неочевидным.

В латинской Европе к началу XVI в. уже существовал прецедент сосуществования разных христианских конфессий внутри Священной Римской империи. Речь идет о ситуации после легализации умеренного крыла гуситов — «чашников» — в Богемском королевстве по условиям Кутнагорского мира 1485 г. (*de facto* требования чашников были признаны ещё в 1436 г.). Более того, чашником был и монарх — король Чехии Йиржи Подебрад, первый правитель на территории Священной Римской империи, не исповедовавший католическую веру. Эти факты, на первый взгляд, свидетельствуют в пользу рассматриваемой нами модели экономистов. Однако данный эпизод европейской истории известен намного меньше, чем Аугсбургский мир 1555 г. между католиками и протестантами. Вероятно, это связано с запретом чашников и массивными репрессиями против них в XVII в., что привело к исчезновению этой конфессии и рекатолизации Богемии. Данный пример важен для проверки тезиса о долгосрочном «секуляристском» эффекте Реформации, поскольку он показывает, что секуляризация, начавшаяся в ходе Реформации, не была необратимой и зависела от сохранения договоренностей между конфликтующими сторонами.

⁹ Конфликты, не связанные с догматикой, например Великая схизма XIV–XV вв., также были серьезными испытаниями для средневековой церкви, но они не затрагивали претензию папства на верховенство в вопросах вероучения.

Реформация началась как богословский диспут, но в 1520 г. спор между сторонниками и противниками Лютера вышел из университетских аудиторий на городские площади, и с этого момента молва о смелом профессоре из Виттенберга начала стремительно распространяться по всей Германии. Решающим фактором популяризации лютеровских идей был интерес к ним образованного городского класса, представители которого, во-первых, обеспечили перевод, печать и дистрибуцию многочисленных трактатов и воззваний Лютера на немецких территориях и, во-вторых, выступили посредниками между реформатором и светской властью.

Предложенная Кантони модель упускает роль городов, и прежде всего свободных городов, в реформационном процессе. Западноевропейские города этой эпохи — не только главные потребители «религиозных услуг», в первую очередь проповедей и богослужений, но и производители знаний и технологий, «поставщики» профессиональных, научных, финансовых и управленческих кадров для властей — как светских, так и церковных. В XIV и особенно XV вв. происходит приток неклерикальных профессионалов — правоведов и литераторов — на службу крупным феодалам, которые одновременно учреждают собственные экспертные центры — университеты, постепенно обособившиеся от папской опеки. Можно предположить, что тенденция к увеличению числа образованных советников могла проявиться в смещении предпочтений студентов при выборе специальности и карьеры. В этом смысле исследование Кантони выиграло бы от хронологического углубления (до начала XV в.) и географического расширения (за счёт включения других государств, например, Италии) статистического анализа студенческих предпочтений¹⁰. Университеты Позднего Средневековья аккумулировали человеческий капитал и были важным источником управленческих кадров. Именно из этих городских слоев исходила позднесредневековая идея улучшения функционирования церковных институтов как части единой социальной системы с определённой сферой ответственности — заботой о духовной жизни населения.

Гуманистические сообщества и кружки — основная культурная ниша и канал распространения реформационных идей. Пример диффузии, амплификации и мультипликации лютеровских идей — приём Лютера кружком Иоганна Штаупица в 1518 г., который регулярно собирался в августинском монастыре в Нюрнберге. В 1525 г. большинство членов кружка, включая Альбрехта Дюрера и секретаря городского совета Нюрнберга Лазаря Шпенглера, заняли сторону лютеран [Hamm, 2004. S. 67]. Членом кружка был и Кристофер Шерль — ключевая фигура в распространении «95 тезисов» Лютера, публикация которых считается началом Реформации. Отмечу, что ранее Шерль служил советником курфюрста Фридриха Саксонского.

Советники князей ещё до Реформации обосновывали необходимость ограничения привилегий духовенства, подчинения церкви служению на общее благо и принуждения священников к выполнению их обязанностей перед государством. Так, Цицероновская идея общего блага («*bonum commune*», см. [Skinner, 2002. P. 46–47]) позволила ещё до Реформации создать теоретическую базу для переформатирования отношений государства и духовенства, в Средние века построенную на основе августиновой концепции Царства Божьего в ее интерпретации папой Григорием VII. Критики папства и до Реформации поддерживались светскими властями, но, за исключением упомянутого выше компромисса с гуситами, не приводили к серьёзным институциональным изменениям. В 1327 г. папа Иоанн XXII отлучил от церкви Марсилия Падуанского, автора антипапского трактата «Защитник мира», однако император Людвиг был покровителем Марсилия и отказался судить его

¹⁰ Кантони и его коллеги указывают на смещение карьерных предпочтений выпускников протестантских университетов в сторону светских специальностей, что, по их мнению, свидетельствует в пользу тезиса о каузальной связи между Реформацией и экономической секуляризацией [Cantoni, Dittmar, Yuchtman, 2018. P. 2046].

как еретика. Этот эпизод напоминает историю отлучения Лютера с тем существенным отличием, что курфюрст Фридрих, отказавшись выполнять постановления Вормского эдикта в отношении своего подданного Лютера, послушался не только папы римского, но и императора. Но если в случае с Марсилием никаких институциональных эффектов в отношениях церкви и светской власти не последовало, в частности, не пересматривались права церковной собственности, то после отлучения Лютера начались — сначала в Цвикау, позднее в Виттенберге и других немецких городах — беспрецедентные акции протеста против клерикальной элиты, инициировавшие радикальные реформы не только богослужения (например, проведение мессы на немецком языке) и вероучения, но и организации и правового статуса церкви. При этом важно подчеркнуть, что инициатива изменений исходила не от Лютера и не от поддержавших его властей, а от добровольных и самозванных апологетов нового учения, которые каждый по-своему интерпретировали сочинения Лютера и делали свои теоретические и практические выводы. В этом смысле Реформация началась как социальное движение в отсутствие Лютера и, возможно, как раз благодаря его временному отсутствию. Кульминация Реформации — события после Вормского эдикта и «исчезновения» Лютера из публичного пространства — была не реализацией, а инструментализацией идей богослова, его критики папства и догматов католической церкви, высказанных в лютеровских сочинениях трех предшествующих лет. Ранняя лютеровская Реформация — это массовые выступления против церковного истеблишмента и церковных порядков, часто с применением насилия (погромы, разграбление церквей и монастырей, иконоборческие штурмы), происходившие при подстрекательстве и под негласным руководством агитаторов-проповедников, при этом без одобрения самого Лютера. Ключевым фактором «сделки» властей с реформаторами была реакция местной политической власти (феодалов, князей и городских советов) на эти массовые беспорядки, инициированные и легитимированные проповедниками — как церковными, так и светскими (самозванными). Массовые беспорядки были эффективным инструментом давления на власти богословов и иных лиц, заинтересованных в трансформации церкви и автономии от папства. «Рынок спасения», таким образом, в результате «сделки» снова закрылся, хотя монополия признанных протестантских церквей не была столь же непоколебимой, как господство католической церкви до Реформации.

Итак, конфискация монастырей, которую Кантони считает ключевым элементом экономической секуляризации, изначально была не тщательно спланированным мероприятием светских властей, а стихийной реакцией на массовое насилие против представителей католической церкви, в особенности монахов, которых реформаторы упрекали в паразитическом отношении к народу. Власти предпочитали закрыть монастыри и конфисковать их имущество, чтобы успокоить негодующих протестантов. Несмотря на резкое осуждение насилия в религиозных конфликтах, Лютер фактически не препятствовал выдворению монахов и не возражал против отказов в реституции их имущества. Перераспределение монастырских ресурсов, однако, не было «логическим следствием» лютеровской теологии и первоначально не форсировалось симпатизировавшими ему правителями. Экспроприация носила характер фиксации нового положения дел (после 1525 г.), когда с повсеместным введением реформированного богослужения для монахов фактически не осталось места в церковной жизни лютеранских общин. Князья, проводившие в своих землях секуляризацию, шли на значительные риски, учитывая формальный мораторий на религиозные изменения до проведения церковного синода, на который протестанты обязались послать своих представителей. Кантони упускают из виду, что на раннем этапе протестантские церкви не были признаны верховной властью империи и само их существование даже после Аугсбургского мира было под вопросом (особенно это касается кальвинистских церквей). При этом внутри протестантских государств и княжеств новые церкви претендовали на религиозную монополию, не допуская конкуренции со стороны

не только католиков, но и иных реформационных течений. Таким образом, к новому «равновесию» в отношениях церкви и власти, которое авторы связывают с протестантской Реформацией, столь же применим термин «церковная монополия», что и к балансу сил до Реформации. Иное дело, что Реформация существенным образом изменила понятия церкви и, в частности, привела к пересмотру европейских представлений о *соотношении религии и церкви*, религиозного чувства и наставления.

«Эффект перелива». Реформация и развитие социальной инфраструктуры

Концепции Кантони в целом соответствует публикация Диттмара и Майзенцала¹¹. В центре внимания этой статьи — воздействие Реформации на долгосрочный экономический рост в тех городах, которые законодательно закрепили новации в религиозной сфере. Основной тезис Диттмара такой: положительная корреляция между протестантской Реформацией и экономическим ростом наблюдается там, где были приняты особые нормативные акты — церковные установления (нем. *Kirchenordnungen*). Благодаря этим правовым актам, города смогли направить ресурсы, прежде выделявшиеся на поддержание католического духовенства, в социальную сферу, в частности на больницы, приюты и школы. Необходимость контроля за целевым расходованием этих ресурсов обусловило приток в города управленческих кадров, что, в свою очередь, способствовало увеличению квалифицированного человеческого капитала. Индикатором положительной связи между реформационными изменениями в институтах и экономическим ростом, таким образом, служит позитивная динамика человеческого капитала. Прирост его расценивается авторами как обусловленный Реформацией «эффект перелива».

Известный историк экономик Дж. Мокир ввел для оценки интеллектуальных условий Промышленной революции понятие «правого хвоста распределения» человеческого капитала, которое подразумевает уровень навыков и знаний лучших ученых, ремесленников, инженеров и врачей [*Мокыр, 2018*]. Диттмар и Майзенцал применяют это понятие в количественном анализе сведений о миграции в 239 немецких городах в 1430–1819 гг., взятых из биографического словаря «*Deutsche Biographie*». Критериям высококвалифицированного человеческого капитала, по мнению авторов исследования, соответствуют персоны, статьи о которых в этом словаре представляют собой развернутые биографические эссе, — таких публикаций в издании примерно четверть. Основная методологическая уязвимость подобного подхода состоит, на мой взгляд, в отделении эффекта оцениваемого события от событий предшествующих, сопутствующих или следующих за ним.

Так, рассматривая причину легализации реформационного устройства церкви, Диттмар и Майзенцал выделяют в качестве ключевого фактора упоминаемые в источниках вспышки чумы в период с 1500 г. по 1522 г. (год принятия первого церковного установления). Авторы исходят из того, что города, испытавшие вызванные чумой бедствия и политическую нестабильность, более решительно стремились к инвестициям в учреждения здравоохранения и вообще в социальную сферу и были настроены на создание соответствующей законодательной базы. Между тем вспышки чумы вряд ли могут считаться причиной принятия тем или иным городом — в Германии и за её пределами — церковных установлений, так как существует множество данных из разных регионов о том, что эпидемии не приводят к столь радикальным институциональным изменениям. Однако, по мнению авторов статьи, такого рода внешние шоки повышали вероятность кодификации реформ в церковной сфере.

¹¹ Диттмар участвовал в написании обеих работ.

Эпидемии чумы в статье рассматриваются как детерминанты открытости городов к институциональным новациям в области общественных благ. Основным аргументом в пользу этой гипотезы выступает статистическая значимость корреляции между немецкими городами, пострадавшими в 1500–1522 гг. от эпидемий чумы, и населенными пунктами, принявшими церковные установления, инициированные реформаторами. Диттмар и Майзенцал утверждают, что воздействие чумы было значительным именно на институты предоставления общественных благ; в отношении других городских институтов такой зависимости не наблюдается. Однако основным детерминантом открытости городов к реформам, скорее, были убеждения и идейные установки политиков, принимавших ключевые решения (см. [Ozment, 1975; Close, 2009]); чума могла оказать опосредованный эффект на готовность к новациям.

Важным фактором или «промежуточным звеном» в этом процессе, наверное, было давление населения, требовавшего более активной поддержки городскими властями больных и их семей. Нельзя исключать, что связанные с эпидемией психические травмы стимулировали запрос на создание или совершенствование системы социального обеспечения. Из источников известно о разных формах стихийной общественной реакции на вспышки чумы в средневековых городах, например, об истериях антисемитизма и ксенофобии, а также агрессии, направленной против людей, подозреваемых в колдовстве. Даже в протестантских городах чума могла быть триггером массового насилия против меньшинств, как, например, это случилось в Женеве, где «ведьм» обвиняли в умышленном распространении смертельной хвори¹². Следовательно, вопрос состоит в том, каково было значение именно эпидемий чумы для аккумуляции энергии и настойчивости городских масс в требовании реформ социальной сферы в сравнении с другими, не учитываемыми Диттмаром и Майзенцелем, факторами.

Можно повторить уже сказанное в адрес Кантони: для корректности выводов целесообразно было бы изменить дизайн исследования и расширить его временные и пространственные рамки. Проверая гипотезу причинно-следственной связи между вспышками чумы и успешными публичными кампаниями за создание или совершенствование системы социального обеспечения, следовало бы учесть и данные по регионам вне Германии. Если такие примеры есть, предстоит изучить структуру созданных или обновленных там институтов. Представляется, что церковные установления, которые, по мнению авторов статьи, стали решающим обстоятельством при конвертации реформационных идей и укреплении социальной инфраструктуры городов, обеспечившей благоприятные условия для развития инновационной экономики, были исключением, а не правилом в политических трансформациях и определялись в большей мере специфическим политическим и интеллектуальным контекстом, а не давлением народных масс. Как признают сами авторы, протестантские богословы требовали совершенствования социальной инфраструктуры более активно, чем их католические противники [Dittmar, Meisenzahl, 2020. P. 964]. Весьма существенно, на мой взгляд, и то, что переговоры по церковным установлениям проходили в условиях не только внутреннего, но и внешнего давления на власти протестантских городов (со стороны как верных папству сил, так и протестантских союзников и конкурентов) и часто бывали результатом трудного для всех компромисса по спорным вопросам литургии и экклесиологии. Сводить принятие церковных установлений к давлению народа, как это делают авторы статьи, — явное упрощение реальных событий, чреватое систематическим смещением в отборе данных. Принятие церковных установлений знаменовало лишь начало, а не финал длительной институционализации Реформации. Они фиксировали баланс сил между городскими властями, влиятельными семьями и представителями протестантских церквей, т.е. были не проектом реформы коммунальных учреждений, а правовым докумен-

¹² <https://www.pravenc.ru/text/1320173.html> (дата обращения 25 августа 2020 г.)

том, который эти силы впоследствии могли по-своему интерпретировать и использовать. У Дитмара и Майзенцала этот процессуальный аспект строительства и расширения церковных и социальных институтов никак не учитывается.

Спорной представляется и интерпретация церковных установлений как квазинейтральных в политическом отношении институтов. Для обозначения публично-правовых актов, регламентирующих более качественное обеспечение государством доступа к бесплатным услугам, в первую очередь к образованию, Дитмар и Майзенцал вводят термин «институты общественных благ» (*public goods institutions*) [Dittmar, Meisenzahl, 2020. Pp. 960, 964–965]. К этим институтам, отличающимся от экономических (право собственности) и политических (порядок определения руководства), авторы статьи относят и церковные установления. Тем самым экономисты как бы абстрагируются от религиозного содержания этих актов, подчёркивая их публичный, государственный характер. Очевидно, однако, что доступ к благам, предоставляемым новыми институтами, был открыт лишь представителям определенной конфессии: в лютеранской школе могли учиться только лютеране, в кальвинистской — только кальвинисты. Исследователи отмечали: «Школа [в Ганновере] стала теперь важным инструментом воспитания в руках властей для внедрения лютеранской веры» [Mlynek, Röhrbein, 1992. S. 115]. Кроме того, образование, социальный контроль (*Kirchenzucht*), религиозная пропаганда и индоктринация предоставлялись потребителям «единым пакетом», без возможности выбора отдельных опций.

Иными словами, в церковных установлениях правомерно видеть помимо прочего своего рода инструмент обеспечения сплоченности и конформизма населения; по сути, ценность такие регламенты представляли собой не для общества в целом, а для определенных социальных групп. Дитмар и Майзенцал обходят стороной тему конфликта поборников церковных установлений с их противниками, в том числе среди протестантов. Между тем «общественные блага» рассматриваемого периода тогда предстали бы в другом ракурсе: не то, в чем все люди нуждаются, а то, что людям навязывается. Сами авторы упоминают, что церковные установления предусматривали надзор за поведением горожан, но, вероятно, не видят в этом противоречия с собственной интерпретацией общественного блага¹³. В целом такая упрощенная классификация социальных взаимодействий характерна для рассматриваемой нами экономической литературы, которая, в русле давней традиции неоклассической экономики, придерживается при конструировании параметров формальных моделей принципа минимализма.

Проблематичность предложенной Дитмаром и Майзенцелем интерпретации особенно очевидна при учете различий между теми протестантскими городами, которые до 1600 г. приняли церковные установления, и теми, где Реформация не была закреплена специальными правовыми актами (города, в которых церковные установления до 1600 г. были отменены, исследователи относят к католическим). Как следует из приведённых авторами данных, в большинстве протестантских городов, не принявших соответствующие законы, на самом деле действовали церковные установления, принятые на более высоком — территориальном — уровне. То есть на этих землях Реформация была проведена князьями — суверенами городов. Авторы удостаивают княжескую Реформацию одной фразы: «Другие города приняли протестантизм под влиянием территориальных правителей, но без народной мобилизации для осуществления институциональных изменений» [Dittmar, Meisenzahl, 2020. P. 968]. Если город в силу своего правового статуса (зависимости от феодала) не мог принять реформационные законы, не определял ли этот фактор вероятность принятия таких законов в большей мере, чем наличие в городских стенах вспышек чумы в 1500–1522 гг.? Если сравнить наиболее экономически и политически развитые немецкие

¹³ Образование авторы статьи считают квазиобщественным, или частным, благом, однако всё же включают его в систему общественных благ.

города (свободные и имперские), можно предположить, что вспышки чумы в 1500–1522 гг. оказались бы менее значимы как индикатор склонности к приему Реформации, чем независимость города от территориальных правителей. Такая гипотеза авторами статьи даже не рассматривается. Тем не менее приведённые в Приложении к статье материалы свидетельствуют в пользу этой закономерности. Из таблицы D3 следует, что вероятность города принять протестантские церковные установления была приблизительно вдвое выше, если у него был статус свободного или имперского, чем вероятность того же события в случае отмеченной в городе вспышки чумы в 1500–1522 гг. (33–36% против 10–18%). Более того, в свободных городах эффект от вспышек чумы на вероятность принятия реформационных законов в рассматриваемый период был нейтральный или даже отрицательный (до –27%).

Возможно, наиболее ярким примером такой отрицательной корреляции служит крупнейший немецкий город того времени — Кёльн. Из таблицы A1 следует, что для крупных (свыше 5 тыс. жителей в 1500 г.) городов разница среднего по принадлежности к свободным или имперским городам между городами, принявшими реформационные акты, и городами, в которых таких законов не было, составляет 0,11, а по наличию вспышек чумы в 1500–1522 гг. — 0,03 (для малых городов те же показатели составляют 0,14 и 0,16, т.е. в совокупности разница среднего по правовому статусу города больше на 0,06). Таким образом, эффект чумы сильнее эффекта правовой независимости только для городов с населением не более 5 тыс. человек, причём городов, принявших церковные установления, в этой группе почти в два раза меньше, чем городов, не проводивших институциональные изменения (67 против 124). Для сравнения: среди крупных городов, принявших реформационные законы, почти в три раза больше, чем не принявших (32 против 12). Таким образом, эффект чумы, как признают сами авторы [Dittmar, Meisenzahl, 2020. OnlineAppendix. P. 57], был наиболее концентрированным в городах, подчинённых феодалам, но при этом и в группе малых городов вспышка болезни *не была предиктором* принятия реформационных законов (в Виттенберге, на родине Реформации, принятие церковных законов предшествовало вспышке чумы). Данные Диттмара и Майзенцала однозначно свидетельствуют о том, что, чем больше был город, тем выше оказывалась вероятность его правовой автономии, а это, в свою очередь, значительно повышало вероятность принятия реформационных установлений.

Таким образом, материалы статьи показывают, что вспышки чумы *могли* стимулировать институционализацию Реформации в *малых* (с населением ≤ 5000 чел.) немецких городах. Это существенное ограничение: даже по выборке, которую авторы используют для проверки своей модели, видно, что она не может считаться универсальной. Однако в аннотации они не оговаривают выявленное мной расхождение в данных по разным группам городов и утверждают, что нашли подтверждение каузальной связи между правовыми изменениями и притоком человеческого капитала, а также экономическим ростом. При этом в статье они отмечают, что для крупных городов был обнаружен отрицательный эффект реформационных институтов на рост населения и нейтральный эффект для свободных городов [Dittmar, Meisenzahl, 2020. P. 983]. Из таблицы C1 также следует, что в свободных городах воздействие церковных установлений как на приток высококвалифицированных мигрантов (до –20%), так и на рост населения (до –15%) был отрицательным; в целом в крупных городах оно было скорее положительным (до 15%), а на рост населения резко отрицательным (до –55%). В аннотации нет указания на выявленное отклонение ситуации в крупных городах от модели; можно сделать вывод, что аннотация некорректно резюмирует результаты анализа данных по 239 городам Священной Римской империи.

Приведу ещё пример того, как вольно авторы обращаются с фактами, чтобы убедить читателя в верности их гипотезы. На с. 992 сообщается, что в Ганновере в 1535 г. произошла вспышка чумы, а в 1536 г. были приняты церковные установления. В близости этих событий экономисты видят подтверждение причинно-следственной связи между чумой и принятием

реформационных актов. Но на с. 63 Приложения Диттмар и Майзенцал признают: принятию реформационных законов в Ганновере предшествовали несколько лет массовых выступлений в поддержку Реформации, приведших к смене городской власти в 1534 г., т.е. до вспышки чумы. Историки датируют победу сторонников Реформации в Ганновере 1533 г., когда антиреформаторски настроенные главы городского совета сбежали из города и власть взяли лютеране [Mlynek, Röhrbein, 1992. S. 132]. Таким образом, интерпретация сюжета, выбранного авторами для иллюстрации своей гипотезы, представляет собой, на наш взгляд, образец мнимой логической связи между двумя близкими событиями (*post hoc, ergo propter hoc*).

Заключение. Реформация и светское государство

Итак, экономисты утверждают, что выявленные ими эффекты — экономическая секуляризация, совершенствование социальной инфраструктуры, прирост высококвалифицированного человеческого капитала в городах — были непредвиденными, но реальными следствиями Реформации. Неожиданный эффект Реформации состоит в том, что религиозное движение способствовало снижению влияния религии на политику и экономику. Как было отмечено выше, из аргументации Кантони и его коллег, Диттмара и Майзенцала не всегда ясно, насколько важен для указанных результатов был сам «контент» учения Лютера, в частности его тезис о возможности спасения человека только благодатью. Также показано, что примеры еретических движений в Средние века заставляют усомниться в связи между появлением новой «фирмы на рынке религиозных услуг» и снижением цены на услуги легитимации, которую предсказывает модель Кантони.

Для Беккера и Вессманна, в отличие от Кантони, именно «контент» протестантских учений, а не сам факт их существования как конкурентов католической ортодоксии, имеет значение: Лютер и другие реформаторы активно поощряли школьное образование, и корреляцию между принятием Реформации и ростом грамотности было бы логично считать *ожидаемым эффектом* протестантизма. Подчеркну, что Беккер и Вессманн говорят о прямом, а не опосредованном, как Диттмар и Майзенцал, влиянии идей Лютера на рост человеческого капитала [Becker, Woessmann, 2009. P. 541]. Вопрос состоит в том, как сравнить вклад Реформации на тот или иной параметр с другими — возможно, связанными с ней — факторами, или, используя эконометрические термины, как исключить эндогенность при анализе данных. Беккер и Вессманн признают методологические трудности количественной оценки влияния религии на экономический рост в сравнительных исследованиях и, чтобы решить проблему изолирования религии как фактора экономического развития, предлагают сравнивать регионы, а не страны, в данном случае — районы Пруссии (авторы анализируют данные переписи населения 1871 г. по 452 округам). Согласно этим данным, в чисто протестантских округах грамотность людей старше 9 лет была на 8% выше, чем в чисто католических, при среднем уровне грамотности в 87,5% [Becker, Woessmann, 2009. P. 549]. Исследователи интерпретируют это как свидетельство долгосрочного эффекта Реформации на рост человеческого капитала.

Ценность этой публикации, на мой взгляд, состоит в предпринятой проверке тезиса, сформулированного на основе анализа преимущественно нарративных и публично-правовых документов, эконометрическими методами (см. [Strauss, 1978; Marshall, 2009. P. 106]). Однако к подобной методике возникает ряд вопросов, связанных с временным лагом между Реформацией (1517–1525 гг.) и переписью населения в Пруссии, служащей основной базой данных исследования (критику применения метода инструментальных переменных Беккером и Вессманном см. в [Edwards, 2017]). Среди наиболее важных упущенных стимулов роста грамотности назовем пиетизм, возникший и быстро распространившийся именно в Пруссии, и прусские реформы в сфере образования начала XIX в. Так,

школа, которую закончил Иммануил Кант, была основана пиетистом Теодором Гером. Хотя пиетизм был ответвлением лютеранства, он считается особым религиозным учением, и отождествлять его с Реформацией неправомерно. Беккер и Вессманн признают проблематичность методики измерения догматических и этических аспектов протестантских конфессий, например учения о предопределении, которое Макс Вебер связывал с «духом капитализма» [Вебер, 1990. С. 70] (см.: [Becker, Woessmann, 2009. P. 582]). При этом, как указано выше, индоктринация с самого начала была неотъемлемой частью школьного образования в лютеранских территориях. Кроме того, Беккер и Вессманн практически не принимают в расчёт различия между протестантскими деноминациями.

Поиск в системе академических публикаций Google Scholar показывает, что рассмотренные в данной статье публикации не вызвали пока у историков Реформации значительного интереса. Очевидно, что профессиональным медиевистам трудно принять, например, игнорирование экономистами промежутка в три с половиной столетия, когда появлялись многочисленные (и религиозные, и светские) не связанные с Реформацией инициативы в сфере образования, которые можно рассматривать в качестве упущенных переменных.

Не менее существенна проблема обратной причинности: возможно, на принятие регионами Реформации повлиял их высокий уровень грамотности, а не наоборот. Беккер в другой своей статье сам упоминает данные, свидетельствующие в пользу тезиса о положительном эффекте грамотности на успех Реформации. Так, в городах, в которых в 1500 г. существовали книгопечатники, вероятность победы лютеровских идей была почти на треть выше, чем в других, а наличие книгопечатной отрасли считается важным для этого периода индикатором уровня грамотности в данном населенном пункте [Becker, Pfaff, Rubin, 2016]. Данные по Флоренции, одному из наиболее развитых средневековых городов, свидетельствуют о грамотности 83% мужского населения этого города ещё в 1330-е гг. [Grendler, 1989. P. 72]. Чтобы установить реальную историческую причинно-следственную связь, необходимо сравнивать только регионы или города с идентичным или сходным на момент принятия Реформации уровнем грамотности. Однако здесь мы упираемся в проблему неполноты статистических данных для Германии XVI в. Уместно вспомнить, что согласно Дитмару Реформация не повлияла на прирост грамотности в свободных городах. Причем именно эти населенные пункты были важнейшими узлами трансфера реформационных идей. Вряд ли можно сомневаться, что наличие в Германии экономически развитых и политически независимых городов было важным условием быстрого распространения Реформации. Решающим же фактором её успеха стал военный союз сильных протестантских городов с крупными территориями, которые защищали не только и не столько идеи Лютера, но и свои претензии на независимость от императора. Аугсбургский религиозный мир 1555 г., на котором за субъектами империи было признано право на выбор конфессии, фиксировал победу малых немецких государств в многовековой борьбе с центральной властью и определил мозаичный политический ландшафт Германии более чем на три столетия.

Ключевое «непредвиденное следствие» протестантской Реформации — применение теории политического сопротивления в защите прав общин на религиозную автономию. Несмотря на то, что союз экономической власти, которую знаменовали свободные города, и военной, которую олицетворяли крупные феодалы, был условием успеха протестантизма, этот союз ещё не гарантировал победу лютеровского учения в конкретных странах и регионах. Многие князья и города уклонялись от выполнения Вормского эдикта¹⁴, поэтому

¹⁴ Вормский эдикт 8 мая 1521 г. не осуждал Лютера как еретика (что утверждают [Cantoni, Dittmar, Yuchtman, 2018. P. 2051]), а подвергал его «имперской опале» (Reichsacht), т. е. объявлял вне закона и требовал от подданных императора Священной Римской империи незамедлительно арестовать лидера нового вероучения и передать судебным органам, а также запрещал под угрозой уголовного наказания публикацию и распространение любых текстов Лютера. Отлучение его от церкви состоялось ещё 3 января 1521 г. буллой папы Льва X «Decet Romanum Pontificem».

католические власти вынуждены были формировать коалиции для совместного противодействия распространению реформационных идей. Решение Аугсбургского рейхстага от 19 ноября 1530 г. приравнивало любые богослужебные изменения без согласия церковных властей к нарушению мира, что влекло за собой санкции к нарушителям вплоть до имперской экзекуции путем применения военной силы. Следствием такого давления властей стало основание Шмалькальдского союза — военного альянса протестантских территорий и городов (1531 г.).

Этот стратегический союз буржуазии и дворянства, противостоящий императору и католическому духовенству, не был достаточным условием победы Реформации. История борьбы Нидерландов с Испанией, приведшая к успеху протестантов на севере страны и поражению на территории современной Бельгии, служит предостережением от построения детерминистских моделей Реформации. Помимо объединения городов и феодалов свою роль в победе Реформации на немецких территориях сыграл и «его величество случай», а именно, внешние силы, прямо или косвенно усилившие позиции протестантов. Ограничимся тремя примерами, подтверждающими значение в Реформации экзогенных факторов.

На Аугсбургском рейхстаге 1530 г. был подтвержден запрет исповедовать на имперских территориях лютеранскую веру (до созыва всеобщего церковного синода), и Карл V был настроен силой выполнить это решение. Но с Востока пришла угроза очередного наступления османов на Австрию, поэтому император был вынужден пойти на временные уступки протестантским князьям. С 1526 г., после битвы при Мохаче, Османская империя представляла для Габсбургов серьезную опасность, и не случайно период активизации турецких сил в Центральной Европе совпал с успехами протестантов [Iyigun, 2008]. В 30–40-е гг. XVI столетия Карл V столкнулся также с вызовом со стороны французского короля Франциска I, заключившего в 1534 г. тактический союз с ландграфом Филиппом Гессенским и другими немецкими князьями протестантской Шмалькальденской лиги. Франциск преследовал цель не поддержки Реформации, а усиления собственного могущества в Европе и расширения территорий, но его многолетняя война с Карлом позволила протестантам оттянуть прямой конфликт с императором и уладить разногласия. И еще пример внешней силы, благоприятной для Реформации, — признание польским монархом в качестве вассала бывшего великого магистра Тевтонского ордена Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, решившего в 1525 г. секуляризировать владения ордена в Пруссии и провести в них Реформацию. Герцог Альбрехт стал первым европейским правителем, проводившим на своих землях Реформацию. Его решение привело к правовым коллизиям с руководством имперскими территориями ордена, сохранившими католическую веру [Seiler, 2006]. Карл V не принял доводы Альбрехта в обоснование секуляризации и должен был в соответствии с решением Имперского камерального суда принудить его силой вернуть незаконно конфискованные церковные владения, но перспектива конфликта с Польшей помешала императору пойти с походом на Пруссию. Итак, сложилась парадоксальная ситуация: один католический монарх заключал вассальный договор с князем, отвергнувшим авторитет папы римского и секуляризовавшим огромные владения католического ордена, не подвергся за это никаким церковным санкциям. Несмотря на противодействие иерархов католической церкви монархи в XVI в. смогли вступать в отношения с еретиками: церковь впервые оказалась неспособной применять решения в отношении ослушавшихся правителей. Реальное исполнение имперской экзекуции против протестантов произошло лишь в 1546 г. после действий союза, которые — с точки зрения императора — было правомерно толковать как вооруженное восстание.

Более ожидаемое, но нежелательное, с позиции Лютера, последствие Реформации — диверсификация христианского богословия и сосуществование несовместимых толкований Святого Писания вместо прежней монополии католической церкви. В условиях отсут-

ствия единой контрольно-надзорной инстанции в протестантских странах и сдержанности светской власти в жестких санкциях против «диссидентов» складывалась ситуация перманентного соперничества как внутри «наследников Лютера», так и среди его оппонентов некаатоликов. Ожесточенная внутрипротестантская конкуренция была далека от образа единой церкви после её освобождения из застенков схоластической теологии, который в начале 1520-х гг. лелеял Лютер. Однако развернувшаяся «война всех против всех» не стала неприятным сюрпризом для осторожных современников Лютера, таких как Эразм Роттердамский, которые предупреждали о фатальных последствиях Реформации для церковного единства.

Давление со стороны других протестантских деноминаций и радикалов, поляризация мнений по множеству богословских вопросов, с одной стороны, усиливали догматизацию, а с другой — стимулировали развитие культуры полемики и интеллектуальной автономии, которая была важным условием Реформации. Таким образом, она способствовала ускорению разновекторных процессов — от укрепления бюрократии до легитимации идеи народного сопротивления тирании. И каждая попытка количественно оценить эффект Реформации на тот или иной процесс, участок жизни должна, несомненно, изначально учитывать эту многоаспектность реформационного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Липцем С. (2005). Размышления о легитимности // Апология. Гуманитарный журнал. № 5. https://web.archive.org/web/20071010010937/http://www.journal-apologia.ru/rnews.html?id=331&id_issue=81.
- Манн М. (2018). Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. М.: Дело.
- Bartlett R. (2013). *Why Can the Dead Do Such Great Things? Saints and Worshippers from the Martyrs to the Reformation*. Princeton: Princeton University Press.
- Becker S., Pfaff S., Rubin J. (2016). Causes and Consequences of the Protestant Reformation // *Explorations in Economic History*. Vol. 62. Pp. 1–25.
- Becker S., Woessmann L. (2009). Was Weber Wrong? A Human Capital Theory of Protestant Economic History // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 124. No. 2. Pp. 531–596.
- Cantoni D., Dittmar J., Yuchtman N. (2018). Religious Competition and Reallocation: The Political Economy of Secularization in the Protestant Reformation // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 133. No. 4. Pp. 2037–2096.
- Close C. (2009). *The Negotiated Reformation. Imperial Cities and the Politics of Urban Reform, 1525–1550*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins M. (1991). *The Papal Monarchy*. Oxford: Oxford University Press.
- Dittmar J., Meisenzahl R. (2016). Public Goods Institutions, Human Capital, and Growth: Evidence from German history // *Review of Economic Studies*. Vol. 87. No. 2. Pp. 959–996.
- Edwards J. (2017) Did Protestantism Promote Economic Prosperity via Higher Human Capital? // CESifo Working Paper Series. No. 6646.
- Ehbrecht W. (2001). Bürgertum und Obrigkeit in den hansischen Städten des Spätmittelalters // W. Ehbrecht *Konsens und Konflikt Skizzen und Überlegungen zur älteren Verfassungsgeschichte deutscher Städte* Köln: Böhlau.
- Ekelund R., Hébert R., Tollison R. (2006). *The Marketplace of Christianity*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Goetz H.-W. (1983). Kirchenschutz, Rechtswahrung und Reform: Zu den Zielen und zum Wesen der frühen Gottesfriedenbewegung in Frankreich // *Francia*. Bd. 11. S. 193–239.
- Grendler P. (1989). *Schooling in Renaissance Italy: Literacy and Learning, 1300–1600*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Grossmann V., Osikominu A. (2019). Let the Data Speak? On the Importance of Theory-Based Instrumental Variable Estimations // *German Economic Review*. Vol. 20. No. 4. Pp. e831–e851.
- Hamm B. (2004). *Lazarus Spengler (1479–1534)*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Iyigun M. (2008). Luther and Suleyman // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 123. No. 4. Pp. 1465–1494.
- Johnson N., Koyama M. (2019). *Persecution and Tolerance: The Long Road to Religious Freedom*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marshall P. (2009). *The Reformation: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Leeson P., Russ J. (2017). Witch Trials // *Economic Journal*. Vol. 128. No. 613. Pp. 2066–2105.

- McCleary R., Barro R. (2006). Religion and Economy // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 20. No. 2. Pp. 49–72.
- Mlynek K., Röhrbein W. (1992). *Geschichte der Stadt Hannover*. Band 1: Von den Anfängen bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts. Hrsg. v. K. Mlynek und W. Röhrbein. Hannover: Schlütersche Verlagsanstalt und Druckerei.
- Mokyr J. (2018). Bottom-up or top-down? The origins of the Industrial Revolution // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 14. Pp. 1003–1024.
- Ozment S. (1975). *The Reformation in the Cities. The Appeal of Protestantism to Sixteenth-Century Germany and Switzerland*. New Haven: Yale University Press.
- Rubin J. (2017). *Rulers, Religion, and Riches. Why the West Got Rich and the Middle East Did Not*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Seiler J. (2006). „Daß der Teutsch Orden noch nit erloschen...“. Strukturelle Wandlungen des Deutschen Ordens im Reich im Gefolge der Reformation. Mol J., Militzer K., Nicholson H. (Eds.) // *The Military Orders and the Reformation. Choices, State Building and the Weight of Tradition* — Hilversum: Uitgeverij Verloren. 2006. Pp. 139–144, 161–180.
- Skinner Q. (2002). *Visions of Politics*. Vol. 2: Renaissance Italy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Strauss G. (1978). *Luther's House of Learning: Indoctrination of the Young in the German Reformation*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Weinfurter S. (2013). Die Päpste als „Lehnsherren“ von Königen und Kaisern im 11. und 12. Jahrhundert? // Spieß K.-H. (Hg.) *Ausbildung und Verbreitung des Lehnwesens im Reich und in Italien im 12. Und 13. Jahrhundert*. Ostfildern: Thorbecke. S. 17–40.

Арсланов Василий Викторович

arslanov@gmail.com

Vasily Arslanov

PhD, senior research fellow of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

RELIGION AS AN INDEPENDENT VARIABLE. ECONOMETRIC STUDIES OF THE REFORMATION

Abstract. Economists have become increasingly interested in the role of religion in political and economic processes. A classic example of the relevance of religion is the Reformation. However, disentangling and measuring its effects has proven challenging. The studies discussed in the present article aim to clarify, using statistical methods, the question of the link between Protestantism and economic growth. To do this, the authors of these studies focus on the correlation between the Reformation and human capital growth. Our review of their arguments suggests that the models they construct omit important aspects of the Reformation and thus reveal flaws in the underlying assumption that medieval Christianity was a religious services market. Although important for further exploration of the religious factors of growth, the results of these studies need to be examined carefully using additional data, and it remains unclear if universal mechanisms of religion's influence on economy exist.

Keywords: *growth, human capital, Protestantism, Reformation, religion.*

JEL: H41, I38, N13, N33, O15.

REFERENCES

- Bartlett R. (2013). *Why Can the Dead Do Such Great Things? Saints and Worshippers from the Martyrs to the Reformation*. Princeton: Princeton University Press.
- Becker S., Pfaff S., Rubin J. (2016). Causes and Consequences of the Protestant Reformation // *Explorations in Economic History*. Vol. 62. Pp. 1–25.
- Becker S., Woessmann L. (2009). Was Weber Wrong? A Human Capital Theory of Protestant Economic History // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 124. No. 2. Pp. 531–596.
- Cantoni D., Dittmar J., Yuchtman N. (2018). Religious Competition and Reallocation: The Political Economy of Secularization in the Protestant Reformation // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 133. No. 4. Pp. 2037–2096.
- Close C. (2009). *The Negotiated Reformation. Imperial Cities and the Politics of Urban Reform, 1525–1550*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins M. (1991). *The Papal Monarchy*. Oxford: Oxford University Press.
- Dittmar J., Meisenzahl R. (2016). Public Goods Institutions, Human Capital, and Growth: Evidence from German history // *Review of Economic Studies*. Vol. 87. No. 2. Pp. 959–996.
- Edwards J. (2017) Did Protestantism Promote Economic Prosperity via Higher Human Capital? // CESifo Working Paper Series. No. 6646.

- Ehbrecht W.* (2001). *Bürgertum und Obrigkeit in den hansischen Städten des Spätmittelalters // W. Ehbrecht Konsens und Konflikt Skizzen und Überlegungen zur älteren Verfassungsgeschichte deutscher Städte.* Köln: Böhlau. [*Ehbrecht W.* Bourgeoisie and authority in the Hanseatic cities in the Later Middle Ages].
- Ekelund R., Hébert R., Tollison R.* (2006). *The Marketplace of Christianity.* Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Goetz H.-W.* (1983). *Kirchenschutz, Rechtswahrung und Reform: Zu den Zielen und zum Wesen der frühen Gottesfriedenbewegung in Frankreich // Francia.* Bd. 11. S. 193–239. [*Goetz H.-W.* Church protection, law-keeping and reform: On the objectives and essence of the early Peace of God movement in France].
- Grendler P.* (1989). *Schooling in Renaissance Italy: Literacy and Learning, 1300–1600.* Baltimore: John Hopkins University Press.
- Grossmann V., Osikominu A.* (2019). *Let the Data Speak? On the Importance of Theory-Based Instrumental Variable Estimations // German Economic Review.* Vol. 20. No. 4. Pp. e831–e851.
- Hamm B.* (2004). *Lazarus Spengler (1479-1534).* Tübingen: Mohr Siebeck.
- Iyigun M.* (2008). *Luther and Suleyman // Quarterly Journal of Economics.* Vol. 123. No. 4. Pp. 1465–1494.
- Johnson N., Koyama M.* (2019). *Persecution and Tolerance: The Long Road to Religious Freedom.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Leeson P., Russ J.*, (2017). *Witch Trials // Economic Journal.* Vol. 128. No. 613. Pp. 2066–2105.
- Lipset S.* (2005). *Razmyshleniya o Legitimnosti // Apologiya. Gumanitarniy Zhurnal.* No. 5. [*Lipset S.* Reflections on Legitimacy]. https://web.archive.org/web/20071010010937/http://www.journal-apologia.ru/rnews.html?id=331&id_issue=81.
- Mann M.* (2018). *Istochniki sotsial'noy vlasti: v 4 t. T. 1: Istoriya vlasti ot istokov do 1760 goda n. e..* Moscow: Delo. [*Mann M.* Sources of Social Power: In 4 Vols. Vol. 1: History of Power to 1760 CE].
- Marshall P.* (2009). *The Reformation: A Very Short Introduction.* Oxford: Oxford University Press.
- McCleary R., Barro R.* (2006). *Religion and Economy // Journal of Economic Perspectives.* Vol. 20. No. 2. Pp. 49–72.
- Mlynek K., Röhrbein W.* (1992). *Geschichte der Stadt Hannover. Band 1: Von den Anfängen bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts.* Hrsg. v. K. Mlynek und W. Röhrbein. Hannover: Schlütersche Verlagsanstalt und Druckerei. [*Mlynek K., Röhrbein W.* History of the city of Hannover. Volume 1: From the beginnings to the early 19th century].
- Mokyr J.* (2018). *Bottom-up or top-down? The origins of the Industrial Revolution // Journal of Institutional Economics.* Vol. 14. Pp. 1003–1024.
- Ozment S.* (1975). *The Reformation in the Cities. The Appeal of Protestantism to Sixteenth-Century Germany and Switzerland.* New Haven: Yale University Press.
- Rubin J.* (2017). *Rulers, Religion, and Riches. Why the West Got Rich and the Middle East Did Not.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Seiler J.* (2006). „Daß der Teutsch Orden noch nit erloschen...“. Strukturelle Wandlungen des Deutschen Ordens im Reich im Gefolge der Reformation. Mol J., Militzer K., Nicholson H. (Eds.) // *The Military Orders and the Reformation. Choices, State Building and the Weight of Tradition — Hilversum: Uitgeverij Verloren.* Pp. 139–144, 161–180. [*Seiler J.* „That the Teutonic Order has not yet ceased to exist ...“. Structural Changes of the Teutonic Order in the Wake of the Reformation]
- Skinner Q.* (2002). *Visions of Politics. Volume 2: Renaissance Italy.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Strauss G.* (1978). *Luther's House of Learning: Indoctrination of the Young in the German Reformation —* Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Weber M.* (1990). *Izbranniye proizvedeniya. M.: Progress.* [*Weber M.* Selected Writings].
- Weinfurter S.* (2013). *Die Päpste als „Lehnsherren“ von Königen und Kaisern im 11. und 12. Jahrhundert? // Spieß K.-H. (Hg.) Ausbildung und Verbreitung des Lehnwesens im Reich und in Italien im 12. Und 13. Jahrhundert — Ostfildern: Thorbecke.* S. 17–40. [*Weinfurter S.* The popes as 'feudal lords' of kings and emperors in the 11th and 12th centuries?].